

А Сяо Лолунь всё молчал.

Проволока на кончике хлыста впилась в складки его век, и капельки крови, просочившись, потекли по щекам, смешиваясь с кровью из носа.

Утренний свет упал на его лицо, заставив струйку крови, бегущую с века, ярко блестеть, но мальчик по-прежнему не произнес ни слова.

Карлсон уставился на него на пару секунд, а затем усмехнулся.

Он поднялся, развернулся и направился обратно к Полю, а его сапоги издавали глухой хруст, ступая по угольной крошке.

— Твой сын куда более дерзкий, чем ты.

К этому моменту четверо рудничных стражников уже подняли Поля с земли.

Он весь походил на пригвожденную к стене букашку, тщетно пытаясь вырваться.

Карлсон свернул хлыст и сунул его за пояс, после чего указал на свой искривленный нос и разбитый угол рта.

— Твой удар только что пришелся мне по лицу. По правилам, я должен ответить тем же.

Он поднял левую руку, сжав ее в кулак.

— Но сегодня я не буду бить тебя по лицу. Я должен дать твоему сыну посмотреть, насколько же крепкое сердце у его папаши.

Поль опустил голову.

Он увидел тот самый кулак, упертый ему в грудь.

Сквозь пропитанную потом и угольной пылью рубаху из грубой ткани Поль чувствовал, как Карлсон собирает силы, чувствовал, как напрягаются мышцы на его левой руке.

А прямо под кулаком, в районе сердца, его ребра подпирала черная чешуйка.

Кулак опустился.

Удар был тяжелым.

Настолько тяжелым, что Поль услышал глухой звук, донесшийся из его собственной грудной клетки, настолько тяжелым, что в глазах у него потемнело, а тело откинуло назад.

Но в то же время он услышал и крик Карлсона.

— А-а-а!

Этот крик испугал всех присутствовавших: даже давившие на Поля рудничные стражники отпустили руки и в испуге отступили на полшага назад.

Карлсон схватился за руку, а лицо его побелело как бумага.

Его правая рука была сломана, кость торчала наружу из-под кожи.

Эта мертвенная белизна была отчетливо видна — словно только что переломанная древесная ветвь.

— Держать его!

Четверо стражников снова бросились вперед, но на этот раз с куда большим усердием, впечатав лицо Поля лицом в грязь.

Карлсон присел на корточки и своей целой левой рукой сорвал с Поля одежду.

Это движение было грубым и лихорадочным, но пальцы его не нащупали чешуйку.

Эта штука словно знала, что кто-то явится, и сама сжалась глубоко в плоть, зато он нащупал кое-что другое — сшитый из грубой ткани мешочек на груди Поля.

Мешочек прилегал прямо к телу и еще хранил тепло Поля.

Рука Карлсона вцепилась в него и дернула, но с первого раза порвать не удалось.

Тогда он дернул во второй раз, вложив всю силу своей уцелевшей руки.

Веревка лопнула, и мешочек упал на землю.

Из него выкатился тот самый слиток золота.

Он упал среди угольной крошки и грязи, среди тех самых осколков камня, которые за тридцать лет пропитались черной угольной пылью.

Утренний свет пролился сверху из провала шахты и упал на него — и золото засияло словно комок пламени, ослепительный блеск вонзился в глаза каждому, кто на него смотрел.

Карлсон опустил голову и уставился на это золото.

Шрам, тянувшийся от брови до самого подбородка, судорожно искривился, зашевелившись на лице подобно ожившей многоножке.

Он протянул левую руку, затем отдернул ее и снова протянул — движение было донельзя медленным, таким медленным, будто он боялся, что слиток убежит.

Весь рудник погрузился в тишину, все до единого смотрели на золото.

Каторжные, надсмотрщики, рудничные стражники, а также те женщины и дети, что стояли вдали, не смея приблизиться.

Те, чьи глаза за тридцать лет видели лишь пепел, те, кто давно забыл, что такое вожеление, те, кто думал, что их сердца ожесточились не хуже камней в шахте — в этот момент в их глазах зажегся какой-то неподобающий огонек.

Карлсон протянул руку и наконец поднял золотой слиток с земли.

Он поднял голову и посмотрел на Поля.

— Ты привез это с Горы Хэйлун.

Это прозвучало как утверждение.

Хотя лицо Поля было прижато к земле, он все же кивнул.

Карлсон усмехнулся, а затем поднял золотой слиток высоко над головой, чтобы все его видели.

Эта поза была похожа то ли на жертвоприношение, то ли на хвастовство.

— Поль ворует золото с рудника, пойман с поличным.

Поль через силу выкрикнул:

Поль через силу выкрикнул, слова протискивались сквозь прижатый к земле рот, звуча, как сломанная пила:

— Это не с рудника! Это я с Горы Хэйлун...

Хлыст хлестнул его по лицу.

Его ударил не Карлсон, а кто-то из стоявших рядом рудничных стражников.

Этот удар оборвал только что сорвавшееся с губ Поля слово, проволока на конце хлыста пропахала на его лице глубокую борозду, и кровь хлынула из нее, смешиваясь с угольной пылью и залепляя ему глаза.

Карлсон присел на корточки, приблизился к уху Поля и произнес так, чтобы слышали только они двое:

— Я знаю. Но это неважно. Важно то, что если я скажу, будто ты украл это с рудника, значит, ты и украл. А мертвым никто не верит.

— Умоляю...

— Если бы ты действительно, по-настоящему умолял меня, то не стал бы прятаться. Ты... случайно не ждешь господина рыцаря?

Глаза Поля широко распахнулись, но в этом расширенном взгляде тоже что-то надломилось.

Карлсон улыбнулся.

— Я уже отправил людей. Они поджидают его на дороге с другой стороны при входе на рудник, мои люди вежливо встретят господина рыцаря и скажут ему, что на руднике всё в порядке, чтобы он спокойно занимался своими делами.

— Сейчас он, должно быть, уже покинул рудник.

Лицо Поля окаменело.

Это застывшее выражение удовлетворило Карлсона куда больше любых криков и слез, он смотрел на это оцепенелое лицо, и в его взгляде даже промелькнуло подобие одобрения.

— Ты умен. Вот только жаль, всё равно недостаточно умен.

Он поднялся, отряхнул грязь с колен, а затем махнул рукой рудничным стражникам.

— В шахту его. Завтра чуть свет — разобраться по правилам.

Рудничные стражники поволокли Поля во тьму, а он изо всех сил рвался назад, оглядываясь — он увидел, что Лэанна стоит на коленях, прижимая к груди Лолуня, и даже Эльза выбежала из лачуги и, обняв мать, дрожала всем телом.

Поль хотел выкрикнуть ее имя, но прежде чем он успел произнести его, раздался другой голос.

— А-а-а!

Это был рев, но исходил он вовсе не из уст Поля.

Этот звук доносился из другого места — от того самого деревянного столба, к которому был привязан человек.

Карлсон замер и оглянулся.

Тот самый Громила.

С того самого дня, как его подвесили, он так и висел там, словно никому не нужный мешок тухлого мяса.

Три дня ему не давали ни воды, ни еды.

Этот бунтарь должен был уже находиться полуживом состоянии, когда даже веки поднять невозможно.

В этот момент его губы потрескались, как зимняя древесная кора, а из трещин сочились капли крови.

Но этот парень всё еще шевелился.

Движения были резкими и безумными, словно он пытался выжать из своего тела последние крупички сил.

Его тело раскачивалось на веревке, как ударенный кем-то колокол.

Связанные запястья стерло в кровь, эта кровь текла вниз по рукам, затекала в рукава, а затем капала с манжет на землю.

Он весь напоминал вытащенную на берег рыбу, отчаянно извивающуюся, отчаянно борющуюся, отчаянно пытающуюся вырваться из этой лески.

— Убью тебя! Убью тебя! Я убью тебя!

Громила широко раскрыл глаза, и объектом его яростного взгляда был именно Карлсон.

Когда лицо Карлсона помрачнело, казалось, будто весь свет исчез вокруг, и даже золото в его руках слегка потускнело.

— Ах ты, сука...

Он вытащил из-за пояса хлыст и двинулся к Громиле.

— Жить надоело.

Хлыст продолжал опускаться.

Раз, два, три...

Карлсон казался неутомимым, а может, просто хотел выместить злобу, он горел лишь одним желанием — забить этого бунтаря до смерти.

И хотя на теле Громилы уже не осталось живого места, он продолжал орать.

— Убью тебя! Убью тебя!

Голос его изменился.

Это был уже не крик, а вой.

Громила сорвал голос до конца, от каждого звука несло кровью, и каждое выплюнутое им слово казалось плевром крови.

Поля тем временем вели, поддерживая под руки, вглубь шахты.

Он шел очень медленно, и вовсе не потому, что стражники шли не спеша — просто его ноги уже отказывались ему повиноваться.

Но Поль всё еще слышал.

Он улавливал то, что крылось в этом голосе — не мольбу, не жалобы и даже не гнев.

Что-то совсем другое.

Но почему он закричал только сейчас?

Эта мысль, словно заноза, вонзилась в мозг Поля.

Прошло три дня.

Громилу подвесили туда три дня назад.

Все три дня он не издал ни звука, просто висел вот так, словно никому не нужный мешок тухлого мяса.

Карлсон бил его хлыстом, ругал, плевал ему в лицо — а он молчал.

Его молчание было подобно камню, подобно всем тем молчаливым камням на этой земле, заставляя думать, что он уже мертв.

Почему он закричал именно сейчас?

Зачем?

Чтобы задержать Карлсона? Чтобы привлечь всеобщее внимание? Чтобы...

Зачем же?

В этот момент издали донесся стук копыт.

Этот звук прорезал рев Громилы, прорезал свист хлыста, прорезал биение сердец всех присутствующих и упал прямо в уши Полю.

Лицо Карлсона мгновенно переменялось.

Хотя Поль ничего не видел, он это чувствовал.

Поль чувствовал, как руки державших его стражников внезапно оцепенели, чувствовал, как изменилось что-то в самом воздухе.

Было в этом нечто неопишное — словно тишина перед бурей или настороженность зверя, почуявшего опасность.

Цоканье копыт приближалось, становилось всё отчетливее.

Не одна лошадь — целых несколько.

Копыта стучали по земле, по щебню, по той вечно неремонтируемой дороге рудника, издавая тяжелые и торопливые звуки.

Этот шум грохотал раскатами грома, ударяя по сердцам людей.

— Невозможно... Он уехал... Уехал четверть часа назад...

Поль услышал эти слова — это был голос Карлсона.

Только вот в этом голосе что-то надломилось, зато в голове у Поля в этот момент словно что-то внезапно ярко вспыхнуло.

Стук копыт затих.

А со стороны входа на рудник донесся человеческий голос.

Он был негромким и не звонким.

Но когда он прозвучал, его услышали все.

— Карлсон, как шумно у вас сегодня.

<http://bllate.org/book/19072/1873303>